

Владимир ГУБАРЕВ,
писатель и публицист

ТРИ ЗВЕЗДЫ КИРИЛЛА ЩЁЛКИНА

МНЕ НРАВИТСЯ произносить слово “Снежинск”. Сразу рождается нечто светлое, возвышенное, чистое.

Так и есть, когда приезжаешь в этот город.

Я присаживаюсь на запыленную снежком скамейку, что стоит у озера, и смотрю на Вишневые горы. Покой, красота и безмолвие. Кружат снежинки. Тают на ладони медленно, и каждая из них открывает свою тайну...

Одна из них связана с Кириллом Ивановичем Щёлкиным, трижды Героем Социалистического Труда. Мне выпало счастье быть знакомым с ним. К сожалению, очень недолго — Кирилл Иванович слишком рано ушел из жизни.

Идея о создании второго оружейного центра родилась сразу после испытаний первой водородной бомбы 12 августа 1953 года. Из Москвы в КБ-11 приехала весьма авторитетная комиссия. Речь шла о подведении итогов испытаний и о перспективах на будущее. В совещании принимали участие все ведущие специалисты — Курчатов, Харитон, Щёлкин, Александров, Сахаров, Зельдович, Забабахин, Франк-Каменецкий и другие, а также руководство отрасли.

И. Курчатов предложил назначить Научным руководителем и Главным конструктором нового института Кирилла Ивановича Щёлкина. На должность директора был рекомендован Дмитрий Ефимович Васильев, который работал сначала на Уралмаше, на танковом заводе в Омске и, наконец, создавал практически на пустом месте новое атомное предприятие в Свердловске-44.

Возражений не было: Щёлкин и Васильев — люди известные, знающие. Обе кандидатуры были поддержаны всеми.

Затем разговор пошел о размещении нового объекта. В конце концов все согласилось с предложением строить объект на Урале между крупными промышленными городами Свердловском и Челябинском.

24 марта 1955 года выходит постановление Совета Министров СССР (№ 586-362) о создании нового института, а 5 апреля министр среднего машиностроения А. Завенягин издает приказ № 252. Так появляется на свет НИИ-1011, который сегодня известен во всем мире как Российский Федеральный ядерный центр — ВНИИ технической физики (РФЯЦ — ВНИИТФ).

Только факты: “Первый принятый на вооружение в Советском Союзе термоядерный заряд был разработан и испытан сотрудниками нового института в 1957 году. Успешно проведен в этом же году на Новой Земле первый физический опыт, открывший еще одну важную страницу в деятельности института — выполнение уникальных фундаментальных исследований в области экстремальных состояний вещества и высокоинтенсивных динамических процессов.

Большинство рекордных по различным показателям ядерных зарядов (ЯЗ) было создано в РФЯЦ — ВНИИТФ:

- **самый маленький ЯЗ для артиллерийского снаряда калибра 152 мм;**
- **самый легкий боевой блок для Стратегических ядерных сил;**
- **самый прочный и термостойкий ЯЗ, выдерживающий давление до 750 атм и нагрев до 120 градусов, предназначенный для мирных целей;**
- **самый ударостойкий ЯЗ, выдерживающий перегрузки более 12 000 g;**

- **самый экономичный по расходу делящихся материалов;**
- **самый чистый ЯЗ, предназначенный для мирных применений, в котором 99,85 процента энергии получается за счет синтеза ядер легких элементов;**
- **самый малоомощный заряд-облучатель”.**

...Он был первым заместителем Главного конструктора и Научного руководителя создания оружия Ю. Харитона. Вместе с ним, И. Курчатовым, Я. Зельдовичем он получал звезды Героя, Сталинские премии и все остальное, что к ним прилагалось.

Что же произошло потом? Почему выдающийся ученый XX века Кирилл Иванович Щёлкин так и не стал академиком — он был избран только членом-корреспондентом Академии наук СССР? Почему он ушел из руководителей Уральского ядерного центра, который сам и создавал? Наконец, что стало причиной того, что его юбилеи практически не отмечались?

Уже четыре десятка лет я занимаюсь историей создания нашего ядерного и термоядерного оружия. Очень многие люди рассказывали мне и о Кирилле Ивановиче.

Наконец-то пришло время, когда “пелена режимности и тайны” начинает понемногу таять. Тому способствуют снятие секретности с ряда документов “Атомного проекта СССР”, а также, в частности, воспоминания сына Щёлкина, которые он мне подарил. Он назвал их символично: “Апостолы атомного века”. Воспоминания изданы тиражом 500 экземпляров — это намного меньше, чем в свое время издавалась литература “для служебного пользования”.

Он никогда не надевал все свои награды. Во-первых, особых поводов для этого не было, а во-вторых, не считал нужным выделяться — интеллигентность была в крови, хотя у него происхождение сугубо крестьянское.

Но не выделяться он не мог: слишком велик был талант, который и привел его на атомный Олимп.

В истории с наградами последняя точка была поставлена сразу же после смерти Щёлкина. Звезды Героя, лауреатские знаки, ордена и медали забрали. Сказали, что не положено оставлять в семье. Одним можно, другим же нельзя? Странно, не правда ли?

Это не единственная странность, связанная с именем Щёлкина.

Всего 12 человек в стране знали о всех аспектах создания ядерного оружия. Первым был Сталин, вторым Берия, далее Курчатов, Харитон, несколько министров и, наконец, Щёлкин. Кирилл Ивановича привлек к проекту Курчатов по рекомендации Зельдовича. Оказалось, что в стране лишь один человек — заведующий лабораторией в институте, которым руководил академик Н. Семенов, все знал о “внутренних механизмах взрыва”. В 1932 году он был принят в институт лаборантом, а через шесть лет ученый совет, присуждая ему ученую степень, констатировал: “Работа К. Щёлкина является крупным шагом вперед в науке о горении и показывает, что диссертант обнаружил не только высокую квалификацию в области горения и большое экспериментальное мастерство, но и, выдвинув оригинальную и весьма обоснованную новую теорию возникновения детонации, показал себя сформировавшимся самостоятельным ученым”.

Его докторская диссертация открыла путь для создания мощных реактивных и ракетных двигателей, а также она оказалась необходимой для разработки ядерного оружия.

Но между кандидатской и докторской диссертациями пролегла война.

Кирилл Щёлкин ушел на фронт добровольцем. Он отказался от “брони”. Воевал под Курском, потом защищал Москву. Кандидат наук был рядовым во взводе разведки. Но уже в начале 1942 года Щёлкин был отозван в свой институт, который находился в Казани. Авиации необходимы реактивные двигатели, и без специалиста по теории горения и детонации обойтись было нельзя.

Как только “Атомный проект” начал набирать обороты, выяснилось, что без Щёлкина создать бомбу не удастся. И заведующий лабораторией института сразу стал первым заместителем Главного конструктора.

Жаль, что “ракетные дела” Щёлкина чаще всего остаются безмянными — на его работы не принято было ссылаться. Да и к чему считаться с человеком, у которого в пропуске было записано, что он является “агентом по снабжению Волжского речного пароходства”?! Правда, по такому пропуску можно было пройти везде — даже в ЦК партии и на Лубянку. Но об этом знали только его хозяин и несколько “посвященных”, чего, впрочем, было вполне достаточно,

На снимке: И. Курчатов, Б. Ванников (один из выдающихся руководителей оборонной промышленности СССР) и К. Щёлкин

чтобы молниеносно решать любые вопросы по “снабжению Волжского пароходства” или “Приволжской конторы”, как официально именовался тогда Арзамас-16.

Для ракетчиков работы Щёлкина оставались безмянными. Все-таки это огорчало ученого. Его сын свидетельствует: “Я никогда не слышал от отца никаких претензий к разработчикам реактивных и ракетных двигателей, которые, пользуясь результатами его научных исследований, очень редко делали ссылки на его работы. Только однажды, уже в начале 60-х годов, был такой эпизод. Целый день отец сосредоточенно о чем-то размышлял, прогуливаясь, не садясь за письменный стол, что было необычно. Наконец он обратился ко мне: “Сделал исключительно красивую работу. Знаю, она очень нужна разработчикам ракетных двигателей. Они никогда до этого недодумаются. Рука не поднимается публиковать ее. Опять используют и не сошлются на автора”. Это был единственный случай, когда прорвалась, видимо, накопившаяся за многие годы обида...”

К сожалению, даже С. Королеву не удалось сообщить о “ракетном” авторстве Щёлкина. Я имею в виду “Ивана”.

Это было “изделие 202”. Мощнейшая термоядерная супербомба весом 26 тонн, длиной 8 метров, диаметром 2 метра. Специально для нее была создана парашютная система. Ясно, что она была повышенной надежности. Щёлкин “принял ее для своих изделий” — это была лучшая рекомендация для Королева. Он взял ее для своих космических аппаратов, которые возвращали с орбит пилотируемые корабли.

А знакомство двух великих конструкторов началось с конфликта.

К. Щёлкин еще при создании первого образца атомной бомбы поставил перед своими сотрудниками необычайно сложную задачу, сформулировав ее предельно просто: “При любой ситуации, при любом отказе любого узла система управления подрывом должна сработать!” Была придумана так называемая “двухканальная система управления”. По требованию Щёлкина испытатели на стендах включали ее миллион раз. И не единого отказа!

Надежность системы подрыва в конце концов обеспечивала безопасность ядерных “изделий”. Ю. Харитон и К. Щёлкин считали, что это одно из главных условий при создании оружия. Да, их требования подчас были жесткими, казались излишне усложненными и “мелочными”, но неукоснительно соблюдались. Благодаря этому за свою историю нашего атомного оружия с ним не случалось катастроф.

С. Королев и К. Щёлкин вместе работали над созданием ракетно-ядерного оружия, способного достигать территории США. На ракету Королева устанавливалась водородная боеголовка. Но Кирилл Иванович узнал, что система управления ракеты одноканальная, и он тут же заявил Сергею Павловичу: “Я заряд на твою ракету не поставлю, пока не сделаешь систему управления двухканальной, как у заряда. Твоя ракета не обеспечивает ни безопасности, ни надежности”.

Королев “разбушевался”, мол, не дело атомщиков учить ракетчиков! Его “гнев” был объясним: он обещал Н. Хрущеву сделать ракету в этом году, а теперь сроки приходилось передвигать минимум на полгода.

Конечно же Щёлкин настоял на своем — на него ничьи эмоции не действовали...

Он рассказывал сыну:

“И знаешь, как Королев благодарил меня потом. Он был поражен, что ракеты стали летать не только надежнее, чем ожидалось, но и точнее. Оказывается, всегда работал именно тот из двух каналов управления, который точнее нацеливал ракету. И главное, рассказывал Королев, что американцы в то время до этого недоперли. Их ракеты стали чаще падать, чем Королевские...”

Но вернемся в весну 47-го, когда на двух ученых — Ю. Харитона и К. Щёлкина — была возложена ответственность за создание атомной бомбы. Все остальные в КБ-11 подчинялись им. Первый заместитель Главного конструктора К. Щёлкин был одновременно начальником научно-исследовательского сектора, в который входило 10 лабораторий, теоретический отдел, возглавляемый Я. Зельдовичем, и все полигоны КБ-11.

Феликс Щёлкин в своих “Воспоминаниях” так описывает начало работ в Арзамасе-16, куда он приехал вместе с отцом. Позже он станет специалистом по ядерному оружию, а потому его описания событий не только верны, но и профессионально точны:

“В схеме атомной бомбы можно выделить пять блоков вопросов, которые предстояло решить с нуля. Были только вопросы, ответов не было.

Разработка теории атомной бомбы, включая не существующую

пока теорию сходящей сферической детонации. Руководитель Яков Борисович Зельдович.

Решение задачи по сферически симметричному сжатию плутония до критической массы. Руководитель Кирилл Иванович Щёлкин.

Определение критической массы плутония. Руководитель Георгий Николаевич Флеров.

Разработка нейтронного запала. Этой разработкой захотели заниматься все. Было предложено 20 вариантов. После экспериментальной проверки был выбран вариант, предложенный Харитонов и Щёлкиным. Он и вошел в конструкцию...

Разработка конструкции узлов и атомной бомбы в целом. Руководители Леонидович Духов и Владимир Иванович Алферов...

...Полную информацию о работе всех коллективов имели Щёлкин и Харитон, которые и обеспечили выполнение задания Родины в кратчайшие сроки. Хотя Харитон и Щёлкин работали "по всему диапазону проблем", Юлий Борисович больше тяготел к теории, а Кирилл Иванович к эксперименту".

Теперь понятно, почему Щёлкин последним покидал вышку, на которой была установлена первая атомная бомба.

Характер у Щёлкина был крутой, а потому Лаврентию Берии с ним было нелегко. Конечно, всемогущий министр знал о каждом шаге Кирилла Ивановича. Ну а Щёлкин это "всевидящее око" Берии почувствовал на себе, когда однажды вернулся из командировки и ехал домой на троллейбусе. Случилась авария, Кирилл Иванович получил множество ушибов. Берия сразу же узнал о случившемся и приказал, чтобы отныне Щёлкина возил на машине лично один из его заместителей. Некоторое время на вокзале Щёлкина встречал сам Кабулов — "правая рука" Берии.

Шеф "Атомного проекта" относился к Щёлкину с великим уважением. В частности, и за то, что Кирилл Иванович в глаза говорил что думал и всегда защищал своих сотрудников.

Два полковника МГБ охраняли Щёлкина днем и ночью...

В отчете КБ-11 об испытаниях первой атомной бомбы в августе 1949 года говорилось: *"В 5 утра все, за исключением К. Щёлкина, С. Матвеева, Г. Ломинского, А. Завенягина, А. Александрова и П. Зернова, покинули башню. С поля был эвакуирован весь личный состав, кроме офицеров охраны МГБ. Осмотр изделия, снаряжение его капсулями-детонаторами, подключение к подрывной схеме и повторный осмотр заняли около часа и были закончены к 6 утра. О ходе этих операций Зернов по прямому проводу докладывал Курчатову, находившемуся на командном пункте... Все, находившиеся в башне, спустились вниз по лестнице. Замыкающими были А. Завенягин и К. Щёлкин, который вышел последним и опломбировал вход в башню".*

Через несколько минут Кирилл Иванович начнет пить валерьянку. Сказалось сильное напряжение при установке детонаторов. В степи гулял сильный ветер, и башня раскачивалась. От ударов капсули-детонаторы могли взорваться...

Но радиация все-таки настигла практически всех, кто слишком тесно был связан с оружием. И. Курчатов, П. Зернов, К. Щёлкин и многие другие рано ушли из жизни, хотя им не было и 60 лет... Последний родился в 1911-м, скончался в 1968 году.

За создание первой атомной бомбы К. Щёлкин был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Это случилось в 1949 году. В 1951 и 1953 годах ему еще дважды даются звезды Героя. В 1953 году он избирается членом-корреспондентом Академии наук. Через два года он становится Научным руководителем и Главным конструктором второго ядерного центра, который создается на Урале. В 1958 году за создание новейших образцов термоядерного оружия ему присуждается Ленинская премия. Казалось бы, жизнь складывается прекрасно... Но между руководством страны и некоторыми ядерщиками возникает конфликт. К сожалению, о нем почти ничего не известно. И сегодня государственные архивы тщательно хранят его детали. Тем более что главные фигуры в этом противостоянии — Игорь Васильевич Курчатов и Кирилл Иванович Щёлкин с одной стороны, а с другой — Никита Сергеевич Хрущев.

Первым масштабы ядерного безумия, захватившего США и СССР, понял и оценил Курчатов. Он был потрясен последствиями взрыва водородной бомбы. Они, физики, выпустили на волю ядерного дьявола, и Курчатов почувствовал, насколько опасно это для цивилизации. Он последовательно и настойчиво говорил о ядерном разоружении. Он выступал против новых испытаний, доказывал, что создавать супербомбы нет необходимости. Его активно поддерживал Щёлкин. В Челябинске-70 он ориентировал всех на создание миниатюрного и компактного ядерного оружия. Именно таким оно поможет сдерживать любого агрессора да и не потребует огромных средств.

Но Хрущев хотел показать американцам “кузькину мать”, и среди сторонников этого было немало выдающихся физиков. В том числе и А. Сахаров. По его мнению, создание сверхбомбы поможет понять политикам гибельность атомной гонки. Частично размышления Андрея Дмитриевича оказались верными: после большого взрыва на Новой Земле было подписано Соглашение о запрещении испытаний в атмосфере, на воде и под водой. Однако ядерная гонка не прекратилась: она ушла под землю... Так что в конце концов правыми оказались Курчатов и Щёлкин. Оба они “пали в немилость” у Хрущева.

Больной Курчатов полетел в Крым, где отдыхал Хрущев, чтобы доказать: нельзя продолжать ядерную гонку, оружия вполне достаточно для обороны страны, необходимо силы физиков переключить на решение других, гражданских программ. Однако Никите Сергеевичу казалось, что его авторитет в мире повысится только в том случае, если военная мощь страны будет возрастать. Он уже не воспринимал разумные возражения ученых. И одним из первых это ощутил на себе Щёлкин.

Его утверждали Научным руководителем и Главным конструктором будущего ядерного центра на Урале на заседании Совета Министров СССР. Хрущев сказал, что недавно говорил с первым секретарем Челябинского обкома и обо всем договорился. Мол, ядерному центру выделяют новый цех большого завода и выделяют квартиры для сотрудников в новых кварталах города. Никита Сергеевич был доволен собой: он уже обо всем позаботился, да и средства будут сэкономлены. И каково же было его удивление, когда только что назначенный Щёлкин резко возразил: если такое предложение пройдет, то он просит освободить его от должности немедленно! Хрущев вскипел, обругал министра Славского за “плохие кадры, которые считают себя умнее всех” и ушел с заседания. Вместо себя он оставил А. Микояна, бросив ему всего лишь одну фразу: “Дай ему все, что он просит, через год я поеду на Урал, специально заеду на объект, и тогда он мне ответит за срыв специального правительственного задания”.

Хрущев в Челябинск-70 не приезжал. Но конфликт с Щёлкиным разгорелся по иному поводу — о судьбе оружия. А. Микоян хорошо запомнил то заседание и поведение на нем Щёлкина. Через пять лет он припомнил это Кириллу Ивановичу. На заседании правительства утверждалась персональная пенсия Щёлкину. Предлагалась 400 рублей в месяц. Микоян сказал: “Мне гораздо больше лет, я работаю на гораздо более ответственной работе и на пенсию не прошусь, поэтому предлагаю утвердить пенсию в размере 200 рублей”. Естественно, с ним все согласились. Микоян прекрасно был осведомлен о конфликте между Щёлкиным и Хрущевым.

По сути дела, Научный руководитель и Главный конструктор Челябинска-70 “отказался” работать над новым сверхмощным оружием, которое так было необходимо Хрущеву. Он активно поддерживал Курчатова, который центр своих интересов перенес на термоядерные исследования. Для руководства новой программой в Институт атомной энергии он пригласил Щёлкина. Тот с радостью согласился. Однако Хрущев не разрешил Кириллу Ивановичу покинуть Челябинск-70.

Смерть Курчатова оставила Щёлкина в одиночестве. Конфликт с Хрущевым, с руководством министерства нарастает. И Кирилл Иванович решает “уйти”, так как оставаться на своем посту — значит поставить под удар весь коллектив Челябинска-70.

Он ложится в больницу, оформляет инвалидность и уходит на пенсию. Ему было в этот момент 49 лет.

Чиновники “вычеркивают” его из “Атомного проекта”. Юбилеи Щёлкина — 50, 60, 70 и 80 лет со дня рождения — не отмечаются ни в министерстве, ни в Академии наук. Каждому дважды Герою, а тем более трижды Герою положено на родине устанавливать бюст. Но два человека были лишены такой привилегии — И. Сталин и К. Щёлкин. Если в отношении первого все понятно, то почему великий русский ученый и конструктор оказался среди “изгоев”?!

Бюст Кириллу Ивановичу все-таки был открыт в Тбилиси в 1982 году. В это же время был установлен бюст Сталину в Гори. Оказывается, их имена оказались вместе в одном постановлении Совета Министров СССР.

[[Предыдущая](#)] | [[Главная страница](#)] | [[Вверх](#)] | [[Следующая](#)] | [[Гостевая книга](#)]
[КАРТА САЙТА](#)

Copyright © 2000 — 2009 Журнал "Российская Федерация сегодня". All rights reserved.

[Webmaster](#) Last updated: 17.03.2009
Best viewed with IE 7